

DOI 10.18522/2415-8852-2024-4-154-161

УДК 82.091 + 821.112.2

РАССКАЗ «ПРИГОВОР» Ф. КАФКИ И СТИХОТВОРЕНИЕ «КОНЕЦ СВЕТА» Я. ВАН ХОДДИСА В ЭКСПРЕССИОНИСТСКОМ КЛЮЧЕ

Вера Сергеевна Наумова

кандидат филологических наук, методист Библиотечного центра «Екатеринбург» (Екатеринбург, Россия)

e-mail: wera.naumowa@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-1107-1306

Аннотация. В статье два текста («Приговор» Ф. Кафки и «Конец мира» Я. ван Ходдиса) сопоставляются друг с другом в свете двух экспрессионистских философем – диссоциации субъекта и обновления человечества. Они вмещают в себя такие темы и мотивы, как: очуждение и отчуждение, опредмечивание, симультанный стиль, демонические силы, конфликт отцов и детей, преемственность поколений, стагнация всего старого и отжившего, революция. В каждом из текстов присутствует стиль монтажа, или симультанный стиль, когда картины происходящего накладываются, будучи будто бы не связанными друг с другом так, что очевидная логика событий просто теряется. Очуждение и отчуждение путем опредмечивания и создания комического эффекта присутствует в каждом из рассматриваемых текстов. Текст стихотворения Якоба ван Ходдиса похож на детскую игру, где катастрофы становятся чем-то комичным, ненастоящим. Подобная неведомая сила, которая будто движет людьми по собственному произволу, также является характерной для произведений немецкого экспрессионизма, где личность предстает пешкой в какой-то жуткой, неведомой ей игре. Так, главный герой рассказа «Приговор» выбегает на улицу к мосту, гонимый неведомой силой, отчужденно и безучастно он выслушивает приговор отца и приводит его в исполнение. Стихотворению «Конец мира» и рассказу «Приговор» присущи экспрессионистские гротескность и даже комичность в сочетании с ужасом и страхом. Оба значения слова «революция» раскрываются как у Ф. Кафки, так и у Я. ван Ходдиса. В тексте стихотворения происходит революционный переворот, которым будто бы заражено большинство людей. В тексте Кафки победа революции сыновей неочевидна, однако при более внимательном рассмотрении текст оставляет надежду на перерождение героя к новой жизни.

Ключевые слова: немецкий экспрессионизм, рассказ Кафки «Превращение», стихотворение Я. ван Ходдиса «Конец мира», революция, отчуждение, очуждение

Рассказ Франца Кафки «Приговор» (“Das Urteil”) был написан в 1912 г., он входит в сборник «Наказания» (“Strafen”) вместе с рассказами «Превращение» и «В исправительной колонии» [Кафка].

Было бы неправильным отнести творчество такого крупного автора, как Кафка к какому-либо конкретному литературному течению, однако рассказ «Приговор» демонстрирует ряд признаков, свойственных экспрессионистским произведениям. Это прежде всего такие темы и мотивы, как: конфликт отца и сына, самоубийство, двойничество, одиночество, отчуждение и очуждение, тоска по дальним странам, революция, война, молодые силы, стагнация всего старого и отжившего, эротика и т. д. Как в экспрессионистских текстах, практически каждое слово рассказа отчуждено и очуждено, что провоцирует возникновение множества смыслов. Обнаруживается также стиль монтажа, или симульганый стиль, когда картины происходящего накладываются друг на друга, будучи будто бы не связанными друг с другом так, что очевидная логика событий просто теряется. Это можно видеть на примере образа петербургского друга: то он есть, то его нет, то он друг Георга, то сторонник отца [Жеребин, Соколова]. Отец произносит приговор, и в следующем «кадре» Георг выбегает на улицу к мосту, гонимый неведомой силой. Изображение подобной неведомой силы, словно движущей людьми по собственному произволу, также характерно для произведений немецкого экс-

прессионизма, где личность предстает пешкой в какой-то жуткой, неведомой ей игре. Обратимся к сюжету и содержанию рассказа.

Рассказ Кафки «Приговор» повествует о том, как успешный коммерсант Георг Бендеманн пишет письмо другу, который несколько лет назад переехал в Петербург, однако дела его так и не поправились и он переживает различные невзгоды. После некоторых колебаний Георг решает сообщить другу о своей помолвке.

Он заходит в комнату отца, где тот читает газету, недавно закончив завтракать. Отец и сын обсуждают, стоило ли сообщать о помолвке петербургскому другу. Отец пытается уличить сына во лжи и сомневается в существовании друга как такового, после чего Георг, демонстрируя сыновнюю любовь, пытается уложить отца в постель, позаботиться о нем, поменяться комнатами, ведь комната отца слишком темная, в ней мало воздуха и, по описанию, она напоминает склеп. Отец начинает играть с цепочкой от часов Георга, чем приводит последнего в ужас. С этого момента развитием действия словно движут демонические силы, оно не поддается объяснению в рамках обыденной логики.

Сын укрывает отца, тот отбрасывает одеяло и практически нападает на Георга, обвиняя его в предательстве друга, его самого, памяти недавно умершей матери, во лжи, коварстве и двуличии. Петербургский друг якобы давно в курсе всех последних событий и получает ин-

формацию непосредственно от отца. Действие рассказа невероятно ускоряется. Георг выслушивает обвинения, практически никак на них не реагируя. Назвав отца «комедиантом», он ужасно сожалеет об этом [Кафка: 39]. Он будто пытается смеяться над словами отца, но побеждает не смех, а ужас. «Я приговариваю тебя к казни – казни водой», – говорит отец, а затем гонимый неведомой силой Георг оказывается на улице и бросается с моста в воду [Там же: 43].

Рассказ «Приговор» был написан за одну ночь. Его емкость и многозначность, отчужденность практически каждого слова от общего контекста дают возможность сопоставить его со стихотворением Якоба ван Ходдиса (1887–1942) «Конец света».

Стихотворение «Конец света» (“Weltende”, 1911) открывает ключевую антологию немецкого экспрессионизма «Сумерки человечества» под редакцией К. Пинтуса.

Weltende

Dem Bürger fliegt vom spitzen Kopf der Hut,
In allen Lüften hallt es wie Geschrei.
Dachdecker stürzen ab und gehn entzwei
Und an den Küsten – liest man – steigt die Flut.

Der Sturm ist da, die wilden Meere hupfen
An Land, um dicke Dämme zu zerdrücken.
Die meisten Menschen haben einen Schnupfen.
Die Eisenbahnen fallen von den Brücken. [Pinthus:

22–23]

[Шляпа слетает с остроконечной головы бургера, / Это раздаётся во всех потоках воздуха, как крик. / Кровельщики срываются с крыш и разбиваются / И на побережьях – читаем – прибывает вода. / Начинается шторм, бурные моря запрыгивают / На сушу, чтобы смять прочные дамбы. / Большинство людей болеет насморком. / Поезда падают с мостов] (Перевод наш. – В. Н.).

В стихотворении изображена не просто социальная катастрофа, а именно конец света: болеют или гибнут люди, ломаются изобретения человечества, природные стихии становятся опасны. Позиция лирического «я» отмечена отстраненностью, отчужденностью от описываемых событий (“liest man”), которые представлены как будто бы в наивном, детском восприятии. На этот факт указывают: синтаксический строй стихотворения (ряд простых, не связанных между собой гипотаксисом предложений), стилистическая окраска лексем и их сочетаний, в которых живое опредмечено, а природа персонифицирована. Таким образом, на уровне языка передано состояние мира, который как будто бы распадается на куски.

Например: “gehnt entzwei”, – так говорят о неодушевленных предметах; “die wilden Meere hupfen”, – так можно сказать только об одушевленных предметах. Лирическое «я» – лишь наблюдатель, не участник событий. Отчужденно и безучастно оно повествует о катастрофе, постоянно преуменьшая значи-

мость того или иного объекта; вся мощь морской стихии превращается в «ничто» одним лишь словосочетанием: “die wilden Meere hupfen”. Все это происходит во многом благодаря «эффекту очуждения» (Брехт), одному из приемов немецкого экспрессионизма.

При более внимательном рассмотрении в рассказе Кафки «Приговор» и стихотворении Я. ван Ходдуса «Конец света» обнаруживаются существенные сближения, свойственные экспрессионистской эпохе в целом.

Например, первая строка стихотворения: “Dem Bürger fliegt vom spitzen Kopf der Hut” указывает на то, что миропорядок отцов, буржуазный мир терпит крушение: те, кто раньше был у власти, добропорядочные буржуа и отцы семейств, больше не управляют миром. Похожую ситуацию мы видим и в рассказе Кафки. Георг Бендемманн явно пытается сместить своего стареющего отца, берет управление фирмой в свои руки, а отца хочет «укрыть одеялом», т. е., фигурально, отправить на покой, а возможно, даже дать ему упокоиться [Кафка: 36–37]. О том, что старые авторитеты более не актуальны, говорит и следующая строка стихотворения: “Dachdecker stürzen ab und gehn entzwei”. Ее можно понять и так: те, кто раньше читал мораль, забивал головы своими нотациями, упали и сломались, словно игрушки (“gehnt entzwei” – так говорят о неодушевленных предметах). В немецком языке у слова ‘das Dach’ есть также значение «голова». Как сказал Йоханнес Р. Бехер об

этом стихотворении, “Alles wovor wir sonst Angst oder gar Schrecken empfanden, hatte jede Wirkung auf uns verloren” («Все, перед чем мы испытывали страх или и вовсе ужас, перестало на нас действовать») [Becher: 234].

Стихотворению «Конец света» и рассказу «Приговор» присущи экспрессионистская гротескность и даже комичность в сочетании с ужасом и страхом. В рассказе «Приговор» после того, как сын пытается уложить отца в постель, тот вскакивает и набрасывается на него с обвинениями, при этом кривляясь, разыгрывая театр так, что из уст сына вылетает лишь фраза: «Комедиант!» [Кафка: 39]. После этого Георг в панике и страхе прикусывает язык, будто произнес что-то действительно ужасное.

«Все в тысячу раз лучше тебя знает», – кричит отец, имея в виду, что петербургский друг хорошо осведомлен о состоянии дел. «В десять тысяч раз», – говорит сын, чтобы высмеять отца, но, «еще не сорвавшись с губ, слова эти прозвучали чрезвычайно серьезно» [Кафка: 43].

Текст стихотворения Якоба ван Ходдуса похож на детскую игру, где катастрофы предстают чем-то комичным, ненастоящим: “Dachdecker stürzen ab und gehen entzwei”, “die Eisenbahnen fallen von den Brücken” [Pinthus: 22–23]. Как и в рассказе Кафки, действующий субъект находится за пределами стихотворения, герои не действуют сами, ими дви-

жет какая-то жуткая демоническая сила – та же сила, что заставляет Георга перемахнуть через перила моста и разжать руки.

Поскольку экспрессионизм в искусстве сам по себе является коренным переворотом, т. е. революцией, революционная тематика свойственна многим экспрессионистским произведениям, среди которых, с некоторой оговоркой, – «Приговор» Кафки и «Конец света» ван Ходдуса.

Под словом «революция» здесь и далее мы имеем в виду два его значения:

1. Коренной и резкий переворот в общественно-политических отношениях, насильственным путём приводящий к смене общественного строя.

2. Коренной переворот в какой-н. области жизни, науки, производства. («Культурная революция») [Ожегов: 367].

Общим моментом здесь становится именно словосочетание «коренной переворот». Революционная тема является основной в «Приговоре». Она и в «петербургском друге», который живет именно в городе – «колыбели революции», и в описании революционных событий в России (священник, вырезающий крест у себя на ладони и взывающий к мятежной толпе), и в конфликте между отцом и сыном, который также упирается в этот «коренной переворот». Более молодое должно сменить все старое и отжившее, и в первой части рассказа мы видим именно это: Георг обручен, готов стать полноправным хозяи-

ном фирмы, он наконец созрел и полостью окреп для того, чтобы сменить отца, за которым собирается ухаживать, выражая сыновнюю любовь: «Тысяча друзей не заменит мне отца» [Кафка: 31].

Однако во второй части мы видим совершенно обратную картину. Отец, который сперва признает «естественный ход вещей», вдруг обличает Георга, припоминает ему неведомые «нехорошие дела» [Там же], которые происходят с тех пор, как умерла мать. Демоническая фигура отца постоянно меняется, трансформируется на протяжении повествования. То он великан (“Riese”), то подобен младенцу, которого берут на руки и который играет с цепочкой от сыновних часов. В одних описаниях он еще полон сил, в других предстает дряхлым и немощным. Этот отец чувствует себя комфортно в темной комнате, где нет воздуха, в окружении вещей, напоминающих об умершей супруге, что навеивает ассоциации со склепом. Тема смерти так или иначе пронизывает весь текст. И если в первой части рассказа Георг являет собой активное действующее лицо, ближе к концу он просто наблюдает, слушает, не смея возразить и цепenea в ужасе от двух собственных реплик. А в финале рассказа он с непомерным рвением, будто влекомый неведомой силой (не он действует, а им движет нечто) исполняет приговор собственного отца, разжимая руки на мосту («я приговариваю тебя к казни – казни водой!» [Кафка: 43]). Таким

образом, революция не состоится – побеждает эдипов комплекс и сын исполняет приговор отца со словами любви к родителям на устах.

О революционных переворотах в стихотворении Я. ван Ходдиса свидетельствуют следующие строки: “Der Sturm ist da, die wilden Meere hupfen / An Land, um dicke Dämme zu zerdrücken” [Pinthus: 22–23].

Первобытные силы, силы природных стихий высвобождаются, чтобы снести все, что было создано человеческой цивилизацией. Слово ‘der Sturm’ (‘шторм’, ‘буря’) часто ассоциируется с самим экспрессионистским движением (так, в частности, назывался один из главных журналов экспрессионизма, издаваемых Г. Вальденом в 1910–1932 гг.). Таким образом, революционный переворот происходит в мире, и им заражены уже многие: “Die meisten Menschen haben einen Schnupfen” [Там же].

А железные дороги, развивающие такую скорость, при которой человек способен лишь выхватывать картинки действительности, которые, как и многие технические новинки, создают монтажное сознание, просто обрушиваются с мостов. Таким образом, хаос, первозданная природная стихия побеждает. Революционный переворот случился, хаос победил, все что было ранее, оказалось ничтожным и нежизнеспособным. Произошло

обновление человечества путем уничтожения всего старого и отжившего, путем распада лирического «Я», которое видит лишь слабо сочетающиеся друг с другом картинки, безучастно и отстраненно фиксируя их.

Может показаться, что после того, как личность Георга разрушена, сокрушена и революция, которая могла бы привести к обновлению. Однако в конце рассказа дан намек на новую жизнь: “In diesem Augenblick ging über die Brücke ein geradezu unendlicher Verkehr” [Кафка: 44].

“Unendlicher Verkehr” часто понимается как ‘поток жизни’ (‘Strom des Lebens’). Здесь важно отметить, что нигде в рассказе нет указания на то, что Георг Бендемман действительно погиб. Немецкий исследователь Ф. Дрюке пишет: «Таким образом, бегство из отчего дома можно понять как спасение – прыжок с моста, который будто связывает два мира между собой, ведет к обновлению, перерождению в воде» [Drücke: 27].

Вышесказанное позволяет заключить, что весь комплекс тем и мотивов стихотворения Я. ван Ходдиса и рассказа Кафки «Приговор» можно описать с помощью двух основных философов, свойственных экспрессионизму и авангарду в целом – это диссоциация субъекта и обновление человечества, к которому ведут конец света, революция и всеобщий распад.

Литература

Жеребин, А.И., Соколова, Е.В. Петербург как зеркало смыслов в рассказе Франца Кафки «Приговор» // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 2 (37). С. 45–60.

Кафка, Ф. Приговор // Кафка Ф. Наказание / пер. с нем. М.: Текст, 2006.

Ожегов, С. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2018.

Becher, J.R. (1957). *Das poetische Prinzip*. Berlin: Aufbau-Verlag.

Drüke, V. (2013). Die Höchste Zeit für Georg Bendemann. In V. Drüke, *Übergangsgeschichten. Von Kafka, Widmer, Kästner, Gass, Ondaatje, Auster und anderen Verwandlungskünstlern*. Oberhausen: Athena-Verlag, 25–32.

Pinthus, K. (Ed.) (1993). *Menschheitsdämmerung*. Berlin: Ernst Rowohlt Verlag.

References

Becher, J.R. (1957). *Das poetische Prinzip*. Berlin: Aufbau-Verlag.

Drüke, V. (2013). Die Höchste Zeit für Georg Bendemann. In V. Drüke, *Übergangsgeschichten. Von Kafka, Widmer, Kästner, Gass, Ondaatje, Auster und anderen Verwandlungskünstlern* [Stories of transition. By Kafka, Widmer, Kästner, Gass, Ondaatje, Auster, and others metamorphosis artists]. Oberhausen: Athena-Verlag, 25–32.

Kafka, F. (2006). Das Urteil [The Judgement]. In F. Kafka. *Strafen* [Punishments] (Trans.). Moscow: Text.

Ozhegov, S. (2018). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Mir i obrazovanie.

Pinthus, K. (1993). *Menschheitsdämmerung* [The Dawn of Humanity]. Berlin: Ernst Rowohlt Verlag.

Zherebin, A.I., Sokolova, E.V. (2019). Peterburg kak zerkalo smyslov v rasskaze Frantsa Kafki “Prigovor” [Petersburg as a mirror of meaning in Franz Kafka’s story “The Judgement”]. *Chelovek: obraz i sushchnost'* [Man: Image and Essence. Humanitarian aspects], 2 (37), 45–60.

Для цитирования: Наумова, В.С. Рассказ «Приговор» Ф. Кафки и стихотворение «Конец света» Я. ван Ходдиса в экспрессионистском ключе // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 4. С. 154–161. DOI 10.18522/2415-8852-2024-4-154-161

For citation: Naumova, V.S. (2024). The story “The Judgement” by F. Kafka and the poem “The End of the World” by J. van Hoddiss in an expressionist vein. *A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, (9) 4, 154–161. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-4-154-161

THE STORY “THE JUDGEMENT” BY F. KAFKA AND THE POEM “THE END OF THE WORLD” BY J. VAN HODDIS IN AN EXPRESSIONIST VEIN

Vera S. Naumova, PhD in Philology, methodologist, Ekaterinburg Library Center (Ekaterinburg, Russia); e-mail: wera.naumowa@yandex.ru

Abstract. The article compares two texts (“The Judgement” by F. Kafka and “The End of the World” by J. van Hoddiss) in the light of two expressionist philosophemes: the dissociation of the subject and the renewal of humanity. They contain such themes and motifs as: defamiliarisation and alienation, objectification, simultaneous style, demonic forces, conflict between fathers and children, continuity of generations, stagnation of everything old and obsolete, revolution. Each of the texts has a montage style, or a simultaneous style, when pictures of what is happening are superimposed, seemingly unrelated to each other in such a way that the obvious logic of events is simply lost. Alienation and defamiliarisation through objectification and the creation of a comic effect are present in each of the texts under consideration. The text of Jacob van Hoddiss’s poem is similar to a children’s game, where disasters become something comical and unreal. And this unknown force, which seems that seems to move people, is also characteristic of the works of German expressionism, where the individual is like a pawn in some terrible unknown game. Thus, the main character of the story “The Judgement” runs out into the street towards the bridge, driven by an unknown force, aloof and indifferent, he listens to his father’s sentence and carries it out. The poem “The End of the World” and the story “The Judgement” are characterized by expressionistic grotesqueness and even comedy combined with horror and fear. Both meanings of the word “revolution” are revealed in both F. Kafka and J. van Hoddiss. In the text of the poem, a revolution takes place, which supposedly infected the majority of people. In Kafka’s text, the victory of the sons’ revolution is not obvious, but upon closer examination, the text leaves hope for the hero’s rebirth to a new life.

Key words: German expressionism, Kafka’s story “The Judgement”, J. van Hoddiss’ poem “The End of the World”, revolution, alienation, defamiliarisation

